

Доводилось ли вам когда-нибудь собирать ягоду зимой в пятидесятиградусный мороз? Мне доводилось, и надо сказать, что это было замечательно. Заниматься древнейшим человеческим промыслом — собирательством — под палящим солнцем лета — на это способен любой дурак. А вот когда от холода кожа трескается, как пересохшая земля, а плевки замерзают, не успев покинуть рта, вот тогда начинается оно — экстремальное собирательство! Держу пари, искатели острых ощущений с готовностью заплатили бы звонкой заморской монетой за такое приключение.

Зима тогда была лютая, почти всегда гдучие минус пятьдесят, а то и ниже. Мы с отцом отсиживались в избе и постоянно топили печь, отгоняя холод. Как только огонь гаснет, тепла как не бывало. Изба держит температуру некрепко, тем более когда кругом все стынет от почти космического холода. Она быстро остывает, но и нагревается быстро. После долгого отсутствия стоит только растопить буржуйку, как огонь начинает жадно пыхтеть, вгрызаясь в сушняк. Жар расплзается и лижет промерзшие, покрытые кристаллами льда бревенчатые стены. Стены текут, потом высыхают, и снова становится хорошо и уютно. Только сушняк запасай на растопку, а крупные сырые поленья подкидывай, они горят дольше и жар дают стойкий, смолистый. Когда оставляешь избушку надолго, всегда запасай возле печки сухие, мелко наколотые дрова и лучины. Чтобы ты или какой-нибудь другой, промерзший до костей путник мог быстро согреться. Это важно, так же как табак, продукты и топливо, без этого в стылom таежном пространстве никак нельзя. И помни, скиталец, дрова — источник тепла, а тепло — это спутник любой биологической жизни.

Охота в такую холодину встает, таежники хоть и бывалый народ, но всему есть предел. Отправляться в дальний маршрут просто опасно, даже техника от холода начинает капризничать, лучше просто переждать. Отсидеться в теплом укрытии, копошась по хозяйству. Мы с отцом лепили пельмени, пекли хлеб, читали книги, а вечерами заводили генератор в отапливаемом гараже и смотрели телевизор, лежа на нарах. Отца другие охотники в шутку называли Модный Дед. К одежде это никакого отношения не имело, просто он и в тайге наслаждался многими благами цивилизованного общества. Было электричество, спутниковая тарелка, плазменный телевизор и даже ноутбук, а в гараже стоял ненаглядный японский снегоход, который был настоящим членом семьи и даже получил любовное прозвище Ямашка.

В избушке постелили на полу мягкий ковер и в особенно лютые холода запускали под нары собак, погреться. Собаки, разомлев в тепле, начинали жутко вонять псиной и, будто этого было недостаточно, еще и принимались нескромно попердывать. А здоровый рыжий кобель по кличке Кучма однажды и вовсе решился на жуткое святотатство. На полу стояла металлическая кастрюлька, плотно закрытая, а в ней таилось сокровище — сливочное масло. Как писал Андрей Платонов, «истинно буржуйская субстанция». Обычно Кучма никогда не позволял себе воровства, за это в тайге предусмотрена суровая кара. Но сливочное масло всегда было для него недолимым искусом, он бесшумно проник своим алчным рылом в кастрюльку и поел весь запас буржуйской субстанции. За это был бит, отлучен от человеческого очага и отправлен в ссылку под лабаз. Так-то!

Вообще, пес интересный, хоть и не без греха, много лет служил нашей семье верой и правдой, как преданный вассал или самурай. Прекрасный соболытник и лосытник, большой энтузиаст и знаток своего дела, хотя порою чудит. Бывают сбои в программе, может повестись на декадентские замашки зеленого молодняка и вместе с ними преследовать какого-нибудь жалкого бурундука или рыжую облезлую белку. Для бывалого лесного сталкера это большой позор. Впрочем, эти заскоки начались у него смолоду, когда он и его брат Кича стали жертвами волков. Кичу они разодрали в клочья и съели, а Кучу здорово потрепали, но отец успел его отбить. С тех пор у него психологическая травма, вызывающая приступы придурковатости и ярко выраженную волкофобию. Стоит только появиться волчьим следам или запаху — все, бывалый сталкер жмется к хозяйским ногам и жалобно скулит, шерсть встает дыбом, а лапы трясутся. Хотя его чувства вполне понятны: наши аяно-майские волки размером почти что с телят. Они хитры и очень осторожны, даже по следу от снегохода опасаются бегать, и любят есть собак. Говорят, они подманивают глупых псов гавканьем, те подбегают пообщаться — и хват! Остаются только кровь и шерсть на снегу. Для охотничьих собак волк это, наверное, что-то вроде сверхсобаки. Они больше, умнее и яростнее.

Как-то раз мороз особенно прихватил, и тайга стояла как стеклянная, казалось, выйди на улицу да крикни во все горло — и мир разлетится хрустальными брызгами. Солнце светило ярко, но греть явно не собиралось. Сидеть в избушке уже осточертело, хотелось прогуляться, побыть наедине со своими мыслями да и просто поглазеть по сторонам. Красота была поразительная, от холода влага в воздухе застывала и оседала на землю мелкой порошей. Солнце, небо чистое, а снег идет.

Отец рассказал мне об одном заливе неподалеку, несколько километров вниз по реке, дескать, там даже сейчас можно набрать мороженой охты. Это ягода, напоминающая крыжовник: крупные темные плоды растут тяжелыми гроздьями, как виноград. Обычно ее можно найти возле воды, в местах тенистых и влажных. На вкус ягода специфическая, кисловатая. Среди зимы это неплохое дополнение к меню, состоящему в основном из мяса. Можно варить компот или заливать мороженую ягоду стуженкой, или просто так грызть, как крупные кисло-сладкие градины.

Взял собаку, ружье, мешок-рудник — и вперед! За дикоросами сквозь стужу и тайгу. Ходить по снегу в эвенкийских унтах одно удовольствие, ощущаешь себя настоящим таежным ниндзей. Это утепленная обувь из выделанной кожи, она практически невесома и при этом прекрасно сохраняет тепло. Сидит как влитая, и можно буквально летать по пушистым сугробам, было бы желание. Вообще, в тайге, особенно трескучей зимой, очень важно правильно одеваться, чтобы и тепло сохранить, и при этом не сделаться неповоротливым, как космонавт в свинцовом скафандре. Надо, чтоб было тепло и легко.

Наша изба находилась примерно в километре от речки Мая. Река была горная, быстрая и холодная, как змея. Сейчас она, скованная льдом, лежала где-то за густым и дремучим хвойником. Летом этот хвойник всегда выглядел очень мрачно, огромные ели не пускали свет, и казалось, что ты бродишь в зачарованном лесу и где-то там, за мрачной толщей зелени, кроется что-то, а осенью ноги тонули в золотистой опавшей хвое. Зимой совсем другое дело, все закрыто белоснежными сугробами и выглядит приветливо и ярко, как в старом советском мультфильме. Через хвойник была натоптана хорошо знакомая тропа, и я пересек его легко, как парк культуры и отдыха.

Когда вышел к берегу реки, открылась совсем другая картина: река в этом месте казалась очень широкой и всю ее вспучило льдами, берега затекли сине-зеленой наледью, а залитые солнцем горы возвышались над этим царством холода, как великаны, восставшие из вечной мерзлоты. Кое-где вдоль берега виднелись узкие промоины, и в них струилась зеленоватая вода. Я стал пробираться вдоль берега по тропинке, чтобы немного ниже по течению выйти на чистый безопасный лед. В одном месте, прямо под обрывистым берегом, я увидел нечто интересное: вода ключом струилась в узкой промоине, зажатая льдом, и в самом конце этого ручейка вращался ледяной круг идеальной формы. Словно огромным стеклорезом кто-то выпилил круг диаметром примерно метра три. Его медленно крутило течением, и, наверное, поэтому он не замерзал. Лед в этом месте был темный, по краям присыпанный снегом, и казалось, что на тебя из реки пристально глядит трехметровый черный глаз. Я достал из внутреннего кармана шубы крохотный фотоаппарат и сделал несколько снимков. Круг вращался все медленнее, и не прошло и пары минут, как он застыл,

слившись с остальным льдом, остался только едва различимый силуэт. Раньше я слышал, что похожие феномены наблюдали на озере Байкал, но в наших краях такое не встречалось. Позже отец навел справки у других охотников, не видели ли они чего-нибудь подобного. Сказали, что нет, не доводилось. Так что — редкость.

Я выломал длинную сухую палку, на манер трости, чтобы простукивать лед на реке. Всегда стоит опасаться коварных пустот, которые могут таиться под, казалось бы, прочной поверхностью. Случалось, что незадачливый ездок вместе со своим снегоходом целиком уходил в такой вот воздушный пузырь, а на дне оно, как правило, струится ледяная вода. Нет ничего опаснее, чем промокнуть среди лютого мороза. Пока будешь пытаться развести огонь и сушить многочисленные кальсоны, портянки, свитера и тулупы — околеешь. Стуча тебя просто сожрет. Если не повезло и все-таки вымок — иди к ближайшей избушке. Пока двигаешься, вырабатываешь и сохраняешь тепло, верхние слои одежды промерзают, превращаясь в ледяную корку, а внутренние, пускай и мокрые, временно хранят тепло.

Идешь, как акула, мокрый. Остановка — смерть. Успел дойти, не отморозив пальцы, считай счастливцем. А можно и вовсе того, как в рассказах у товарища Лондона, — слиться с белым безмолвием. Такое не редкость, а сливаться я не намеревался, потому и выломал трость. Вышел на реку, туда, где лед вроде бы покрепче, и пошел вниз по течению, стуча палкой. Если звук глухой — значит безопасно, а если «по-ом!», как по дну кастрюли бьешь, то лучше обойти, не искушать судьбу.

Спустился километра на три, никакой живности кругом, кроме моего молодого и бестолкового кобелька. Он все время жмется к человеку, бегает рядом. Хорошая собака так никогда не делает, хорошая собака ищет добычу, носится по тайге в поисках соболя или оленя, а может и сохатого. Загоняет звонким лаем, а ты следуешь на этот лай, чтобы сделать тот самый лучший в жизни выстрел. А этот рыжий хоть и смотрится ладно, но по сути простодыра. Ему только двор сторожить да в помойке ковыряться. Впрочем, у него и бонусы есть, шубка больно ладная, белая с рыжими пятнами и, сразу видно, очень теплая. Мозгов природа не дала, но хоть наряд дала практичный, а еще аппетит волка или, скорее, гиены. Жрет все! Даже то, что может показаться несъедобным: веревки, полиэтиленовые пакеты, отходы всех мастей и сортов, падаль, шкуры, ремни, камуса. В сочетании с ладной шубой это хороший шанс на выживание. Впрочем, я не в напряге, что он трется рядом, этот Шарик. Пускай трется.

Добрался до места. Там на берег реки выходила дорога, пробитая в густой тайге бульдозером. Били дорогу старатели, уже давно. С тех пор ее затащило марью, частично завалило деревьями, а сейчас и сугробами накрыло. Но это не беда, по дороге шла «буранка», крепкая и хорошо накатанная. Дорога тянулась вдоль берега, и по ней можно было вернуться почти к самой избушке. По левую сторону от нее располагался небольшой заливчик, а рядом с ним и должны были быть заросли охты. Сейчас все закрыло сугробами, они скрывали и ягоды, и кусты.

Немного поднявшись вверх по дороге, я нырнул в заснеженные заросли. Думал, пробраться глубже в чащу будет сложно, но нет, кусты рассыпались от давления словно стеклянные. Кажется, нашел. Сбивал палкой снег, и вот оно: открылись тяжелые гроздья ягод, похоже на виноградные. Ягоды было на удивление много. Странно, что многочисленные и вечно голодные жители тайги не добрались до них раньше. Собрать небольшой мешок-рудник оказалось плевым делом, даже с места сходить не пришлось. Раз-два и готово дело. Ягоды звенели как стекляшки или камешки, будто мешок наполняешь мелкой галькой.

В ту пору, под Новый год, темнело рано. Пока ходил и возился с собирательством, на тайгу стали опускаться морозные и ломкие сумерки. Синева неба становилась глубже и как будто холоднее, а зарево заката окрасило снег тревожным пурпуром. Словно сама природа предупреждает тебя — поторопись, пока мороз щадит глушцов. Домой я возвращался по старательской дороге. Идти по буранке было легко и приятно, место открытое, хороший обзор. Надеялся увидеть оленей, но живность будто вымерзла. Никаких звуков, кроме скрипа снега под ногами, собственного дыхания и стука сердца. Добрался быстро. В избе, возле жаркой печки, было приятно грызть ледяные и кислотавые ягоды, запивая их крепким и сладким чаем. Хороший десерт после жирной вареной грудинки. Хотя клюква была бы лучше.

